

как в лесу. Мне нужна карта, чтобы не заблудиться, а в конце пути иногда я вдруг понимаю, что шел правильным путем. Хотя в чем он состоит, сформулировать я бы не смог. Просто соединяю все вместе, и вдруг оно обретает смысл. Что-то в этом подсознательное. Но я думаю, что режиссура — это выбор, который ты делаешь, некий внутренний фильтр; все постоянно ставят тебя перед необходимостью принять то или иное решение, и от этого зависит результат. Вообще-то мои первые фильмы были куда более отчетливым выбором, чем последние. Так уж случилось.

**Над «Братьями Гримм» вы работали много лет, и про-
ой во многом был вынужден-
м...**

Мне было нужно дополнительное время, но все же не могу утверждать, что мне было нужно так много времени! *(Смеется.)* Однако монтаж для меня — важный этап, тогда-то я и собираю из разрозненных кусочков финальную мозаику. Поначалу, к примеру, все начиналось с Красной Шапочки, потом шел флэшбек с двумя братьями, а дальше — когда братья уже повзрослели. Посмотрев эту версию, я понял, что надо бы вернуть хронологический порядок. Я советуюсь с людьми, мнение которых для меня важно, продюсеры тоже вмешиваются, а время идет. Но простой даже помог мне взглянуть на фильм со стороны. И еще в одном смысле помог.

Терпеть не могу компромиссы, и однажды решил остановиться на моей версии монтажа, не принимать никаких поправок, сделать перерыв на год, за который я, кстати, снял еще один фильм, «Tideland». А потом вернулся в монтажную студию в Лондон, тут позвонили продюсеры и сказали: «Ладно, заканчивай фильм по-своему».

К разговору о продюсерах: что там за конфликт у вас с ними вышел из-за носа Мэтта Дэймона?

Дело в том, что я сделал для него накладной сломанный нос: мне подумалось, что он как старший из братьев Гримм все время в детстве защищал своего младшего брата-идеалиста и из-за этого пострадал в одной из драк. Лицо с таким носом у Мэтта выглядело куда более сильным и мужественным, уж поверьте. Он был похож на молодого Марлона Брандо! А не на Пиноккио, честное слово. К сожалению, ничего у меня не вышло. Из-за постера. Харви Вайнштайн хотел, чтобы Мэтт Дэймон был на плакате узнаваемым. Такая же история вышла в прошлом году с «Волшебной страной». Ее герой, автор «Питера Пэна» Барри, был парнем с огромными густыми усами, и Джонни Депп уже примерял именно такой грим, но Харви воспротивился: для того чтобы фильм имел успех в прокате, было необходимо, чтобы Джонни выглядел на постере настолько красивым, насколько это возможно.

Правда ли, что к вам обращались с предложением режиссировать очередную серию «Гарри Поттера»?

Правда, я даже ездил, встречался с кем-то. Сказали, что сама Джоан Роулинг выбрала меня в качестве режиссера. Но я не отнесся к этому предложению серьезно. Я просто знал наверняка, что студия Warner Bros. никогда не согласится на меня. Слишком уж там много денег, им был нужен кто-то более безопасный. Вызвали меня просто для того, чтобы проявить уважение к Роулинг. На какой-то краткий момент я подумал, как было бы здорово взяться за «Гарри Поттера»: Альфонсо Куарон, по-моему, классно справился с задачей, мог бы и я. Потом так злился на себя, что допустил даже такую мысль! А вообще хорошо, что со мной велись такие переговоры — в Голливуде ко мне сразу стали по-другому относиться.

Принято считать, что ваши фильмы слишком интеллектуальны, чтобы приносить прибыль в прокате. Вы как к этому сами относитесь?

Для меня главное — чтобы фильм окупился, чтобы не был убыточным. Если фильм не убыточный, значит, он прибыльный. В моем понимании. Конечно, если бы я согласился снимать «Пиратов Карибского моря», то ни в чем бы сегодня не нуждался. Но такие вещи нужны не мне, а Джонни Деппу.

А как относитесь к участию в фестивалях? Все-таки европейская премьера «Братьев Гримм» состоялась в Венеции, где президентом жюри был легендарный художник-постановщик Данте Ферретти, к слову, работавший с вами над «Приключениями барона Мюнхгаузена».

Надо было Данте позвонить, шепнуть пару слов! *(Смеется.)* Нет, идея конкурса фильмов — бессмыслица. Это просто хороший повод всем собраться вместе и сделать вид, что происходит нечто важное. Это неплохо, и я люблю фестивали, но сама идея соревнования — идиотизм. Нельзя сравнивать фильмы, они разные! Мне безразлично, в конкурсе или нет показывают мои работы. Съездил в Венецию бесплатно — и слава богу. Я получал, правда, пару призов, но что с ними делать? Тяжелые они все. Я их даже не собираю.

Нет у вас мысли исполнить мечту миллионов и сделать новый фильм «Монти Пайтон»?

(Долго и энергично отрицательно мотает головой.) Нет! Ни за что! Они все умерли. Ну, в метафорическом смысле. *(Смеется.)* Мы все постарели, занимаемся разным делом... Каждые пару лет мы собираемся, нам хорошо вместе — отличная все же была компания! Обсуждаем идеи разные, а потом расходимся по домам.

газета

в поисках Грааля

Терри Гиллиам родился 22 ноября 1940 года в Миннеаполисе, штат Миннесота, США, а вырос в столице коммерческого кино Лос-Анджелесе. Во второй половине 1960-х стал единственным не британским членом комической группы «Монти Пайтон»; в их телескетчах отвечал за анимацию и играл небольшие роли, а в 1975-м поставил фильм «Монти Пайтон и Святой Грааль». С 1977 года начал сольную режиссерскую карьеру, поставил такие легендарные фильмы, как «Бандиты во времени» (1981), «Бразилия» (1985), «Король-рыбак» (1991), «Страх и ненависть в Лас-Вегасе» (1998). Его называют самым великим визионером Голливуда, но он отвергает этот титул, поскольку не хочет иметь ничего общего с Голливудом. Живет в Лондоне.